

В УП-УШ вв. среди украшений балтского типа заметно уменьшается количество фибул, браслетов и шейных гривен и растет число различных булавок и подвесок, а также предметов поясного набора. Кроме каменных могильников предметы этого времени чаще прежнего встречаются и на городищах и селищах, а также в курганах. Клады украшений указанного периода единичны (Хуммули, Навести). В некоторых каменных могильниках кроме предметов балтского находят и вещи финского происхождения (Тойла, Прээди и др.).

Наряду с продолжавшимися связями в юго-западном направлении — с земгалами и западными балтами — в УП-УШ вв. расширяются связи и в юго-восточном направлении — с латгалами (подвески, наконечники копий и др.), селами (фрагмент двуплечного дротика из кургана в Сууре-Рысна), балтскими племенами тушамлинско-банцеровской культуры (глиняные сосуды из курганов Козеского леса, Варбузе и Сууре-Рысна).

Основная масса предметов балтского происхождения последних веков I тысячелетия н.э. известна из городищ и селищ, причем кроме украшений встречаются и орудия труда. Появляются некоторые новые типы украшений, например шейные гривны с плоскими заходящими концами, и которым (с X в.) прикреплены трапециевидные подвески, обнаруженные как в южной, так и восточной и северной Эстонии.

Пути распространения балтских элементов в материальной культуре Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. были весьма различны. Материалы погребального обряда показывают, что немаловажное значение с У-УІ вв., как и в последующие столетия, в этом сыграла местная знать. Например, в могильнике Пау на о. Сааремаа особый социальный статус погребенных подчеркивается не только составом сопровождающего инвентаря (серебряные вещи, оружие и др.), но и своеобразием устройства могильника (кромe каменной кладки здесь найдены обгорелые остатки какого-то дере-

вяниного сооружения). Некоторые подтверждения значительной роли родовой знати в распространении предметов балтского происхождения в Эстонии имеются и в местонахождении кладов, состоящих из предметов балтского происхождения: клады эти находят в каменных могильниках (Кардла, Паали I и II) или неподалеку от них (Виллевере, Уури). Таким образом, балтские предметы чаще, чем этнические, указывают на наличие именно культурных связей, о чем убедительнее всего свидетельствует погребальный обряд, прослеживаемый как в каменных, так и в курганных могильниках.

Вследствие переплетения и вариации балтских, скандинавских, финских и других элементов в Эстонии во второй половине I тысячелетия сложилась довольно своеобразная культурная ситуация, причины возникновения которой нуждаются в дополнительном изучении.

А.Бутримас, Г.Чеснис (Вильнюс)

О ГЕНЕЗИСЕ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ

Исследования последних лет на территории Жемайтской возвышенности дали новый материал для выяснения появления и развития культуры шнуровой керамики не только в этом регионе, но и во всей Восточной Прибалтике. Получены данные из 13 новых полностью исследованных поселений со следами шнуровой керамики и одного поселения-могильника-жертвенного места — Дуонкальниса.

Новый материал позволяет уточнить и более четко выделить время появления ранних носителей культуры шнуровой керамики (в археологической литературе — культура прибалтийских ладьевидных топоров), которые достигли территории Прибалтики в третьей четверти III тысячелетия до н.э. Мы согласны с мнением исследователей, полагающих, что носители культуры шнуровой керамики пришли с юга. Их приход констатируется по случайным находкам — боевых ладьевидных

топоров (в Литве их известно около 600), по одиночным погребениям и небольшим могильникам (в Литве до недавнего времени их было известно 8, а в последнее время стали известны еще 2). Полученные в погребениях данные, а также возраст самых ранних поселений в Жемайтской возвышенности, датированных радиоуглеродным методом (Шарняле - 2310 ± 90 - V_s 318 и Ширмес калнас I - 2120 ± 80 - V_s 319), указывают на то, что культура ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике была распространена в 2400-2100 гг. до н.э.

Племена носителей шнуровой керамики вторглись на территории, издавна занятые нарвской, неманской, серово-педмарской, а на севере - гребенчато-ямочной культурами. Их приход сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе жителей Прибалтики: образовались смешанные культуры. В восточной части побережья Балтийского моря, на территории, занятой культурой прибалтийских ладьевидных топоров, сложились две яркие культуры: культура Киукайнен на побережье Финляндии (1800-1200 гг. до н.э.) и приморская (жуцевская) на территории Западной Литвы, Западной Латвии, быв. Восточной Пруссии и Северной Польши (2100-1500 гг. до н.э.).

На гибридный характер приморской культуры указывает также поселения и могильники. На раннем этапе сложения культуры на поселениях значительное место занимает керамика смешанного типа. По форме сосудов и элементам орнамента она ближе к шнуровой, а в тесте глины преобладает растительная примесь, характерная для нарвской керамики (поселение Швантойи У1 и Дактаришке - Западная Литва), или примесь, характерная для керамики и неманской культуры, хотя орнамента и шнуровая, и старая неманская (поселение Линупис, Южная Литва). На позднем этапе развития приморской культуры происходит нивелирование отдельных элементов культуры, и гетерогенность культуры становится менее заметной. Но на территории Восточной Литвы и Восточ-

ной Латвии, в отличие от более западных территорий, в позднем неолите местные консервативные традиции автохтонов поглощаются медленнее. В погребальном обряде приморской культуры (материал Дуонкальниса), с одной стороны, заметны новые традиции пришельцев (захоронение шамана с женщиной перекликается с патриархальными традициями индоевропейцев), но инвентарь погребений - амулеты из зубов животных - характерны для местных племен охотников-рыболовов. На территории Жемайтской возвышенности обнаружено и поселение, датированное эпохой ранней бронзы (1200-1000 гг. до н.э. - поселение Гайгалине II). В материале данного памятника не прослеживается влияние новых этнокультурных традиций. Это дает основание думать, что дальнейшее этнокультурное развитие данного региона может быть связано с развитием приморской культуры, и указывает на непрерывное развитие балтских племен с конца неолита до середины бронзового века.

О физическом типе людей приморской культуры Литвы можно судить по довольно фрагментарному материалу из Дуонкальниса и ранее (J. Žilinskas, 1931) описанному черепу из Рядкята. Серия мужских и псевдомужских черепов отличается мезоморфией, мезокранией, довольно широким средневековым и клиногнатым лицом, хамекокными глазами и мезоринным носом. Вопрос о происхождении данного типа решался в масштабах Литвы, Прибалтики и общеевропейском.

С помощью кластерного анализа коэффициентов Пенроуза установлено, что люди приморской культуры занимают промежуточное положение между носителями нарвской и неманской культур (Крятуонас, Турлойишке) Литвы, с одной стороны, и культуры боевых топоров (Плинкайгалис, Вяршвай) - с другой, однако стоят ближе к первым.

В результате кластеризации матрицы коэффициентов Пенроуза между сериями из Прибалтики и смежных территорий эпохи камня и бронзы люди приморской культуры попадают в кластер мезокраний серий. В противоположном кластере находят-

ся все долиннокранные серии, в том числе носителей культуры боевых топоров. Факторизация корреляционной матрицы 70 серий выявила 3 фактора, определяющих большую часть краниологического разнообразия в Европе в неолите и ранней бронзе. Прибалтийские мезокранные серии эпохи камня в трехфакторном пространстве проявляют четкую поляризацию: на одном полюсе концентрируются платигнатные формы восточного происхождения, на другом (там же и люди приморской культуры) — клиногнатные формы, тяготеющие к средне-европейским брахикранам.

Следовательно, физические особенности людей приморской культуры Литвы формировались на субстрате носителей неманской и нарвской культур, имевших заметный среднеевропейский компонент, при слиянии с ранними носителями шнуровой культуры, которые не оказали решающего воздействия и на данном этапе были лишь эпизодом в биологической истории племен приморской культуры.

Л. Вайткусене (Вильнюс)

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЖЕМАЙТОВ

Археологами Литвы проделана значительная работа по решению вопросов, относящихся к этногенезу жемайтов и к некоторым обстоятельствам выделения их из балтской общности. В частности, определена территория, занимаемая с V в. жемайтами. Однако дальнейшая историческая судьба этой этнической единицы, которую, по мнению исследователей, объединяла и общность территории, и своеобразный погребальный обряд и, видимо, общий язык (говор), к настоящему времени изучена далеко недостаточно.

На протяжении последнего десятилетия в различных частях ареала распространения памятников жемайтской культуры проводились раскопки ряда могильников, относимых к V-VI вв., т.е. ко времени образования племенного союза

жемайтов (Пагрибис Шилальского р-на, Саугиняй Шауляйского р-на, Кайренелай Радвилишкского р-на, Плинкайгадис Кедайнского р-на). При анализе новых археологических материалов было обращено внимание на такие ритуалы погребального обряда, которые до сих пор оставались вне поля зрения исследователей, но значимость которых для проблем культурогенеза или изучения вопросов этнокультурного характера не подлежат сомнению (ориентировка умерших, жертвоприношения животных, следы тризы, устройство могилы, характер погребального инвентаря как единого комплекта и др.). Результаты изучения заключались в выводе, что культура жемайтов в V-VI вв. была неоднородной и что ее представляют не менее чем 3 локальные варианта: в бассейне р. Юра складывалась культура западных жемайтов, в бассейне р. Дубиса — культура восточных жемайтов, в окрестностях Шауляйского и Радвилишкского районов — культура северных жемайтов. В связи с этим возникает предположение, что носителями каждого из трех вариантов культуры были отдельные родственные племенные группы союза жемайтов.

На нынешнем этапе изучения дальнейшей этнической истории племенного союза жемайтов наиболее четко вырисовывается историческая судьба носителей западного варианта культуры, ибо культурное наследие последних с 1981 г. начало рассматриваться планомерно. Многочисленные археологические факты, полученные при раскопках ряда могильников (Пагрибис, Каштауналай, Покере, Бикавеняй, Жасинас, Жвиляй и др.), дают возможность проследить наглядную преемственность в развитии культуры жителей бассейна р. Юра начиная с V в. (начало выделения культуры жемайтов из балтской общности) вплоть до XIII в. (время появления первых письменных сведений о жемайтах).

Поскольку в бассейне р. Юры, согласно летописцам и хроникам начала XIII в., находилась земля Карпува — одно из догосударственных политических образований балтов на территории Литвы, мы склонны полагать, что ареал западных